

ИНТЕРПЕРЦЕПТИВНАЯ СТРУКТУРА ОБРАЗА КАК ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН

М.В. Городецкий

Новосибирский государственный
технический университет

monheim@list.ru

В статье обсуждается интерперцептивность – явление неотделимости друг от друга содержательно разных чувственных данных. Интерперцептивность рассматривается как свойство структуры восприятия, актуализирующееся в каждом элементе восприятия и образующее в нем обладающий значением перцептивный синтез – отдельный образ. Наряду с этим утверждается пространственный характер интерперцептивности как онтологическое условие единства объектов и «ментальных» образов.

Ключевые слова: интерперцептивность, структура восприятия, модальности восприятия, образ, пространственность.

В этой статье речь идет о восприятии, точнее, о структуре восприятия. Обстоятельством, позволяющим говорить о структуре восприятия, является наличие пяти содержательно несводимых друг к другу способов (модусов) или модальностей восприятия: визуальности, тактильности, сонорности, данности на вкус, данности на запах. Содержательная и вследствие этого качественная несводимость друг к другу этих модальностей восприятия (будем говорить: перцептивных модальностей) есть первоначальный фактор в доступном перцепции пространстве.

Образ есть, прежде всего, элемент восприятия, т. е. фрагмент перцептивного поля, обладающий собственным значением. Все, что подлежит восприятию – и физическому и ментальному – есть образ, та или иная комбинация перцептивных модальных качеств, физически воздействующих на сознание или продуцируемых им, каждая из которых обладает некоторым значением.

Восприятие как полная совокупность воспринимаемого, т. е. как полная совокуп-

ность образов, обладает примечательным свойством: модальности восприятия, в самих определяемых внутри них качествах, иногда смешиваются и перекрещиваются друг с другом, как бы переплетаются в своих изначально разнонаправленных и взаимно расходящихся векторах. То есть наряду с тем, что существуют явления, определяемые строго в принадлежности к одной модальности восприятия (например, «красный» как визуальный), существуют также явления, напротив, не определяемые в одной перцептивной модальности. Например: «волна». Что такое волна? Это равномерно изогнутое очертание – как вид, прерывистые, качающиеся толчки – как тактильное ощущение, тонально «поднимающийся» и «опускающийся» звук; при этом ни изгиб, ни толчки, ни шум моря – каждое из этих перцептивно одномодальных значений в отдельности не позволяет фиксировать «волну» в целостном перцептивном значении. Волна – это то, что ускользает между этими значениями, всякий раз от каждого из них к соседнему, и является как что-то

не просто перцептивное (как визуальное–и–тактильное–и–сонорное), но как нечто принципиально срединное между перцепциями, между-перцептивное или, будем говорить так, интерперцептивное.

Интерперцептивность – это неопределимость явления в какой-то отдельной модальности восприятия. Иными словами, это неопределимость свойств воспринимаемого явления как строго визуальных либо тактильных и т. д. Таким образом, интерперцептивность означает внедискретность, трансдискретность чувственного качества. Можно сказать, что интерперцептивность – это интеркачественность восприятия как данность разных перцептивных качеств (модальностей восприятия), неотделимых друг от друга в содержании воспринимаемого предмета. В полном смысле интерперцептивность есть присутствие полного набора перцептивных модальностей в их неразличии друг с другом в воспринимаемом явлении. В частном смысле это неотделимость каких-то отдельно рассматриваемых перцептивных качеств друг от друга в восприятии предмета.

На интерперцептивность как явление восприятия, по крайней мере в частном смысле, впервые указывается в работе В. Шаппа «Beitraege zur Phaenomenologie der Wahrnehmung». Шапп указывает на присутствие в визуальной данности ветви дерева, т. е. среди именно визуально обусловленных качеств, образующих содержание данного предмета, такого качества как эластичность. Шапп обращает внимание на то, что эластичность, по самому значению этого явления, есть не визуальное, но тактильное качество. Присутствие эластичности в визуальности, действительно воспринимаемое и прочитываемое в ней, указывает на феноменологически нередуциру-

емое и тем самым обнаруживаемое смешение или сращенность самих перцептивных модальностей, самой визуальности и самой тактильности. При этом Шапп настаивает, что взаимосвязь визуальности и эластичности не может быть обусловлена только памятью, т. е. вообще некими не зависящими от актуального восприятия данными сознания, надстраивающимися над ним и «домысливаемыми» его. Шапп пишет: «...хотя эластичность нельзя видеть в полном и собственном смысле, мы все же ее видим, она дана чисто зрительно, и это происходит не только через домысливание, обусловленное данностью в сознании других смыслов. (...) И мы не можем пересмотреть все это, это навязывается нам самим восприятием. Немыслимо, что то, что состоит только из цвета, нам такое показывает»¹. Таким образом, в восприятии, в самом устройстве образующих его перцептивных качеств Шапп обнаруживает принцип отсутствия четкой границы между ними, их навязчивую взаимопереходность, которая представляется как неуловимая для мысли – и в этом смысле немислимая – сращенность несовместимых качеств.

Об интерперцептивности в полном смысле идет речь в «Феноменологии восприятия» М. Мерло-Понти, где автор говорит об «интерсенсорности» восприятия. Естественный мир, по Мерло-Понти, есть типология интерсенсорных связей², фокусирующихся и пересекающихся в каждом феномене, т. е. в каждой сущности, конституирующейся как некое значение. Феномен интерсенсорен, и в нем, как единичном восприятии, объединяются в некото-

¹ Schapp W. Beitrage zur Phaenomenologie der Wahrnehmung. В. Heymann Verlag GmbH, Wiesbaden, 1976. – S. 22.

² Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента; Наука, 1999. – С. 419.

ром значении модально различные качества, и «если, следовательно, взятые в качестве несопоставимых свойств “данные различных чувств” относятся к столь же далеким друг от друга мирам, причем каждое в своей специфической сущности является особым способом отображать вещь, то все они взаимосвязаны самым главным – способностью означения»³. Таким образом, интерсенсорность у Мерло-Понти есть не отдельное пересечение чувственных данных, но характеристика структуры восприятия как таковой во всей полноте составляющих ее модальностей.

Интерперцептивность – это, прежде всего, не психологически и не эстетически значимое понятие. Это понятие, феноменологически эксплицирующее наличие внутренней природы у самой структуры восприятия – как того, что образует взаимодействие разных перцептивных модальностей и производных от них качеств в каждом элементе восприятия, т. е. в каждом образе. Иными словами, интерперцептивность это то, что в каждом элементе воспринимаемого мира, т. е. в каждом образе, связывает содержащиеся в нем перцептивно разные качества, не позволяя им раздирать этот образ на беззначные сами по себе перцептивные фрагменты.

Указанная роль интерперцептивности имеет онтологический характер. Ведь если интерперцептивность, как предлагается ее понимать здесь, производит синтез внутри образа как некоего перцептивного комплекса, она есть то, что образует в итоге целостное значение этого комплекса, не зависящее от составляющих его компонентов и самостоятельно существующее, т. е. образует сущность данного образа.

³ Там же, с. 295–296.

Интерперцептивность как сущностный компонент образа, с другой стороны, определяет понятие образа. Образ как обладающее перцептивным содержанием значение – это коррелят компонентов перцептивного содержания, как бы интегрирующий эти компоненты в приподнятом над перцепцией уровне, связывающий их в некоем узле. Значение как специфический признак образа, индексирующий его в отношениях с другими и встраивающий его тем самым в образную ткань, есть сам этот коррелят. Интерперцептивность есть, собственно, свойство и принадлежность этого коррелята. Таким образом интерперцептивность как свойство интегрирующего перцепцию коррелята, образующего значение, есть *то* в образе, что делает его собственно образом, т. е. то, что определяет понятие образа.

Интерпретация образа как интерперцептивного коррелята соответствует понятию образа в истории философии, где это понятие, как онтологический концепт, укоренено прежде всего в платонизме. В платонизме в виде термина «эйдос», а также в неоплатонизме в виде терминов «эйкон» и «символ» мыслится некое онтологически специфическое явление, коррелирующее и интегрирующее в себе предметы или явления некоторого класса. Например, само понятие эйдоса как *образца*, т. е. субстанциального *вида*, воспроизводимого в каждой из определяемых им вещей, означает коррелят, интегрирующий вещи данного вида и – одновременно с этим – перцепции в каждой из этих вещей, позволяя видеть ее именно такой, а не иной.

Интерперцептивность образа позволяет говорить об общей онтологической основе образов разного вида: «объектив-

ных» образов, данных в физической перцепции (объектах), и «ментальных» образов (по терминологии Ж.-П. Сартра в работах, посвященных феноменологии воображения). Ведь если в объекте, который я воспринимаю как перцептивное единство (и который существует в каком-либо возможном для себя значении только в качестве такого единства), основой этого единства является интерперцептивный синтез, то образ как восприятие объекта, как объект-в-восприятии есть то же самое, что и перцептивное единство, наблюдаемое мною в качестве «иллюзии» или в воображении.

Интерперцептивное единство объектов и ментальных образов есть то, что обуславливает их совместимость. Эта совместимость проявляется в самой данности ментальных (воображаемых) образов, не зависящей от условий внешнего опыта. Иными словами, сама возможность данности любых «фантазируемых» или «иллюзорных» образов здесь и сейчас – на фоне любых воспринимаемых объектов – свидетельствует о том, что эти образы принципиально совместимы с воспринимаемыми в пространстве объектами. Ведь если бы они не были совместимы, как я мог бы воспринимать их вместе с объектами в целостности одного и того же «моего» опыта? Более того, я могу легко и естественно, без какого-либо напряжения сознания видеть на вот этом находящемся передо мной столе ментальный образ книги, которой на нем «нет», или образ маленького розового слона. Уже вследствие этого я могу нарисовать на картине, изображающей с натуры некий объект, в дополнение к его нарисованному образу что-то, чего в натуре нет и даже быть не может. Таким образом, будучи совместимыми с любыми объектами, точнее с обра-

зами любых непосредственно наблюдаемых объектов, ментальные образы совместимы с пространством, т. е. обладают пространственностью сами по себе.

Совместимость между объектами – это сама пространственность. Совместимость между объектами образует пространство как таковое в представлении о нем как о созерцаемой и интуитивно постигаемой общности неких объектов. Когда объект совместим с другими объектами прямо или косвенно, наглядно или интуитивно, то он обладает пространственностью, т. е. является пространственным феноменом.

Тезис об онтологическом интерперцептивном единстве образов (объективных и ментальных), означающем их общую пространственность, значим не сам по себе (так как он есть лишь вариация классического тезиса об априорности пространства), но как основа для следующего тезиса: интерперцептивность пространственна. Иными словами, на основе того, что интерперцептивность является общностью образов, и того, что общность образов является пространственностью, делается вывод о пространственном характере интерперцептивности.

Пространственный характер интерперцептивности – это то, что позволяет интерперцептивность описать: ведь то, что обладает пространственностью, находится так или иначе в пространстве и, в принципе, подлежит экспликации, быть может, специфической, но возможной.

Общая пространственная интерперцептивность ментальных образов и объектов – это некая чистая пространственная структура, содержащаяся в том, как фиксируются значения объектов в определенном сочетании действующих в каждом из них перцептивных данных, с одной сторо-

ны, и в том, как из актуализируемых в сознании значений выстраиваются, ткнутся во всей полноте своих перцептивных данных ментальные, «воображаемые» образы – с другой стороны.

Мы именуем эту интерперцептивную структуру «чистой» в том смысле, что она не зависит от того или иного частного перцептивного определения и как бы выхвачена из тотализирующей воспринимаемое существо пятиэлементной и замкнутой структуры восприятия. Мы определяем интерперцептивность в образе как структуру, потому что интерперцептивное взаимодействие модальностей восприятия, предполагаемое осуществляемое в ней, есть именно некий особый способ взаимокоординации и корреляции этих модальностей в отношениях друг с другом, но не есть уничтожение самих модальностей, самой перцепции. Это как бы некая нейтрализующая операция, в которой модальности подобны цветам, которые объединяются не в цвете, но в свете, где они не беспорядочно, но в строгой градации взаимонейтрализуются – и именно в этом смысле это объединение не есть чернота как внеструктурная смесь и отсутствие цвета.

Пространственность интерперцептивной структуры – это способ понимать интерперцептивность в качестве специфического пространственного явления, которое вследствие такого ее понимания можно описать в рамках феноменологии пространственного восприятия. Иными словами, пространственность интерперцептивности дает в виде феноменологии пространственного восприятия методологическую основу для изучения интерперцептивности.

Понятие интерперцептивной структуры как пространственно выраженного яв-

ления позволяет избавиться от представления об образе как психологически укорененной и как бы внепространственной субъективной метафизической субстанции. Чистый пространственный характер интерперцептивной структуры, которая в каждом объекте и в каждой фантазии собственно и образует образ, позволяет представить автономность образов в сущем, т. е. их онтологическую независимость от вещей. Трудность и задача состоит в том, чтобы представить, что чистые структуры существуют не в качестве вещей, но именно «не–как–вещи» существуют в пространстве. Именно пространственность, а не вещественность образов суть их метафизическая полноценность, которую требуется показать. Задача состоит не в том, чтобы представить существование чистых структур таким же, как существование вещей, т. е. «наряду с вещами», что было бы ошибкой. Задача состоит в том, чтобы представить существование чистых структур таким же «по силе», как и существование вещей, но другим «по месту», «по качеству», и в том, чтобы отделить место чистых структур в потоке перцепции, представить это место как особое и собственное их место, возможно даже, как особое и собственное пространство. Трудность в том, чтобы не впасть при этом в трансцендентализм и не отождествлять предполагаемое особое пространство с «субъектом» или другой трансцендентальной формой, т. е. не поддаться соблазну «взять и поделить» сущее произвольно на некие две несовместимые части-области. То есть, сохраняя феноменологическую выдержку и осторожность, соблюсти при рассмотрении этого особого пространства его предметность не как вещизм, но как специфическую пространственную феноменальность.

Возражая Ж.-П. Сартру, исследовавшему образное восприятие, можно сказать, что образы – это все таки «призраки-симулякры»⁴. Но они – не просто оболочки, не «в точности объекты», а особые «чистые», т. е. интерперцептивно-пространственные объекты или структуры: конструкции, схемы, сетчатые сгустки, узоры, узлы. Интерперцептивно-пространственные узлы суть то, что не трансцендентально, но внутрипространственно дано нам всегда, когда мы смотрим или воображаем, именно они есть то, что имел в виду В. Шапп, у которого, как отмечает Р. Ингарден, «впервые показано, что восприятие не сводится исключительно к так называемым чувственным качествам (качествам цвета, звука, осязания и т. д.)»⁵.

Узел – не случайная метафора, но архетипический символ. Представление о переплетении и разветвлении (дереве), образующем сдвиг и внутреннюю инверсию мира во времени и в пространстве – в восприятии пространства как такового, в исчислении времени и истории, в структурировании графических языковых систем (алфавитов)⁶ – присутствует в разнообразных формах в мифологических традициях. Например, в древнеевропейских мифологии и языковых структурах (в частности, в концептуальном значении лексемы *midja-gardas*⁷) присутствует представление о срединности, не подчиненной «кругу» как символу мира и символизирующей некое

надмирное, однако не внемирное начало. «Надмирное», но не «внемирное» – это срединность в архетипическом, т. е. образцовом и первоначальном для мира онтологическом значении – значении не имманентного, но и не трансцендентного, т. е. как бы сплетающего здесь трансцендентное и имманентное и образующего сдвиг и внутреннее пространство в самом противопоставлении одного и другого. Всякий образ как чистая структура есть срединность, т. е. то, что не есть объект и не есть сознание, но что действует и «посередине» объекта, и «посередине» сознания, и что есть онтологически сакральная середина между объектом и сознанием.

Таким образом, переплетение модальностей как основа воспринимаемого мира, как узловой – в фактурном и в функционально-метафорическом смысле – мотив самой перцептивной ткани мира, есть в этом смысле не самостоятельный феномен, но подчиненный культурному пространству, причем глубинным в нем, до-цивилизационным слоям. Сам феноменологический принцип «возвращения к вещам», использование которого предполагается в качестве аксиоматически необходимого в изучении интерперцептивной структуры в рамках феноменологии пространства, обретает здесь некий обратный исторический смысл (под вещами можно здесь понимать их не дискретно перцептивный (и вследствие: логически дискретный) смысл, но архетипический смысл, в рамках которого они существуют в мировом единстве).

Примечательно, что какой-либо письменный языковой знак – алфавитный или идеографический – есть, как феномен, переплетение или сочетание линий. Архети-

⁴ Сартр Ж.-П. Воображение // Логос. – М.: Гнозис. – 1992(1), № 3. – С. 101.

⁵ Ингарден Р. Введение в феноменологию Э. Гуссерля. – М.: Дом интеллектуал. кн., 1999. – С. 33–34.

⁶ Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. – М.: Наука. 1993. – 158 с.

⁷ Там же. – С. 22.

пичность узла в выражении чистых структур обретает в связи с этим значение не символическое, но непосредственно указывающее на некую фактуру – фактуру как не трансцендентально, но неким специфическим образом перцептивно, т. е. принципиально не вне-мирно действующую ткань, в которой переплетается что-то. Как говорилось выше, интерперцептивность есть нечто среднее между объектами и ментальными формами, что действует, в частности, со стороны ментальных форм, воплощая их в воображаемом перцептивном наполнении. Можно представить возможность феноменологического обнаружения такой узловой в прямом смысле фактуры, которая действует и в феномене письма, и в воображаемых перцепциях и которая представляет собой некий алфавит, некий набор онтологически укорененных языковых и перцептивных констант.

Итак, утверждение об интерперцептивности образа и о собственной пространственной феноменальности этой интерперцептивности как внутриобразной структуры открывает возможность и ставит задачу построения феноменологической онтоло-

гии образа, в которой описываются интерперцептивные пространственные свойства образа – протяженность и глубина; в которой описывается отношение пространственной сущности образа и других пространственных явлений. Важно при этом, что интерперцептивные пространственные свойства образа должны быть представлены не как копии соответствующих свойств объектов, но именно как феноменологически раскрытые в своей особой фактуре протяженность и глубина.

Литература

Ингарден Р. Введение в феноменологию Э. Гуссерля. – М.: Дом интеллектуал. кн., 1999. – 224 с.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента; Наука, 1999. – 605 с.

Сартр Ж.-П. Воображение // Логос. – М.: Гнозис. – 1992(1), № 3. – 287 с.

Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. – М.: Наука, 1993. – 158 с.

Schapp W. Beitrage zur Phaenomenologie der Wahrnehmung. В. Heymann Verlag GmbH, Wiesbaden, 1976. – 157 s.